

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Пикник (Петербургские очерки #11)

«У подъезда звенят бубенчики. Лѣстница остыла отъ поминутно хлопающихъ дверей. Въ передней толкотня: одѣваются, разыскиваютъ калоши, выкликаютъ другъ друга, смѣются.

У Хвалынскихъ сборный пунктъ: отсюда всѣ разсядутся по санямъ и тройкамъ, и двинутся пикникомъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Пикникъ**

У подъзда звенять бубенчики. Лѣстница остыла отъ поминутно хлопающихъ дверей. Въ передней толкотня: одѣваются, разыскиваютъ калоши, выкликаютъ другъ друга, смѣются.

У Хвалынскихъ сборный пунктъ: отсюда всѣ разсядутся по санямъ и тройкамъ, и двинутся пикникомъ.

Это первый пикникъ въ жизни Вавочки. Мать долго не соглашалась; отецъ тоже возставалъ, увѣрялъ, что это старо, что нынче на пикники ѣздятъ только съ кокотками. Но потомъ вдругъ какъ-то все устроилось: княгиня Червонная объявила, что поѣдетъ съ обѣими княжнами, баронесса Клецъ попросила m-me Хвалынскую взять подъ свое покровительство ея племянницу, и наконецъ Сѣцкій, самъ Сѣцкій спросилъ, когда будетъ пикникъ, и выразилъ сожалѣніе, что по преклонности лѣтъ и множеству государственныхъ занятій не можетъ лично принять участіе. Въ виду всего этого, надо было согласиться везти Вавочку.

Какъ она счастлива! Ея восемнадцатилѣтнее, свѣженькое и хорошенькое личи-

ко слегка даже поблѣднѣло отъ волненія. Но это ничего, на морозѣ оно опять разгорится. За то синевато-сѣрые глаза ея свѣтятся усиленнымъ блескомъ, и сухія, горячія губы не закрываются отъ учащеннаго дыханія.

Она присѣла на дубовый стулъ, горничная надѣваетъ ей теплыя калоши. Сережа Ларскій хотѣлъ сдѣлать это самъ, но она не позволила. Онъ стоитъ передъ нею, въ своей форменной шинели съ бобровымъ воротникомъ, и не спускаетъ съ нея глазъ. Пушистый мѣхъ отѣняетъ нѣжную кожу его щекъ, чуть тронутыхъ двадцати-лѣтнимъ румянцемъ. А ее охватываетъ странное чувство: ей кажется, что онъ не чужой ей, что она всѣмъ существомъ своимъ льнетъ къ нему, и что это такъ и надо.

Все въ немъ невыразимо нравится ей: и его ласковые темно-каріе глаза, и женственная нѣжность кожи, и мило-шутливый тонъ голоса, и галуны на воротникѣ, и даже то, какъ онъ стоитъ, какъ распахнулась его шинель. Что то «ужасно» милое во всемъ... Когда онъ поворачиваетъ голову, и бобровый мѣхъ касается его лица, ей тоже словно хочется

приложиться щекой къ этому пушистому бобру, и почувствовать такое же щекотанье...

Она отдается этому странному, невольному чувству совершенно безотчетно. Онъ не женихъ; ему всего двадцать лѣтъ; онъ только двумя годами старше ея. Но что-же она можетъ сдѣлать, если въ его присутствіи она чувствуетъ себя совсѣмъ иначе, чѣмъ съ другими мужчинами?

А впрочемъ, черезъ годъ онъ кончаетъ курсъ. Онъ хорошо учится, его выпускаютъ по первому разряду. Отецъ занимаетъ видное мѣсто. У нея есть видное приданое – не очень большое, но... гдѣ-же теперь большія приданья?

Но она никогда не думаетъ объ этомъ; развѣ такъ, вскользь – и сейчасъ-же себя поймаетъ и оборветъ. Главное, что ей «ужасно» хорошо, когда онъ тутъ – и пусть это продолжается...

Она встала, ей подали мѣховую ротонду.

– М-г Ларскій, я васъ ищу... – вдругъ раздался голосъ подлѣ нея.

Это т-те Уланова. Какая вульгарная фамилія! Вавочка терпѣть ее не можетъ. Все,

рѣшительно все въ ней противно: и эта крупная, грубая красота, и подрисованныя рѣсницы, и пудра на слишкомъ густомъ пушкѣ надъ верхней губой, и преувеличенная свобода обращенія, и плохо скрытый тонъ насмѣшливости въ грудномъ, красивомъ голосѣ, и необъяснимая способность всѣхъ привлекать, со всѣми становится въ какія-то необычайно удобныя, дружескія отношенія.

— Я васъ ищу, повторила она; — я намѣрена поссорить васъ со всѣми мужчинами. Я беру васъ въ свои сани!

Молодой человекъ вспыхнулъ, посмотрѣлъ на т-те Уланову, потомъ на Вавочку, и на лицѣ его остановилось растерянное, почти испуганное выраженіе.

Вавочка почувствовала, какъ все въ ней похолодѣло. Мгновенно ей припомнилось, что до сихъ поръ ничего не было условлено, кто поѣдетъ въ ихъ тройкѣ. Считалось само собою, что Ларскій ѣдетъ съ ними.

— Да, да, вы будете моимъ кавалеромъ, — повторила властнымъ тономъ т-те Уланова, и улыбнувшись самымъ дружескимъ образомъ Вавочкѣ, пошла къ выходу на лѣстницу.

– Вава, вотъ наши спутники, – послышался въ ту же минуту голосъ мамыши.

И Вавочка увидѣла передъ собой двухъ знакомыхъ, которыхъ она совсѣмъ по-дѣтски ненавидѣла, за то что они относились къ ней всегда съ шутивымъ, но навязчивымъ вниманіемъ. Ей вдругъ сдѣлалось такъ грустно, такъ обидно, что она готова была бы расплакаться...

* * *

Тройки и собственныя пары и одиночки мчались въ перегонку по безлюдной дорогѣ. Незаѣзженный снѣгъ блестяль при лунномъ свѣтѣ, морозная пыль клубилась въ воздухѣ, по сторонамъ чернѣли хмурыя сосны, съ вороньими гнѣздами на верхушкахъ. Вавочка, туго завернувшись въ ротонду, полу-закрыла глаза. Ей не хотелось видѣть торчавшаго передъ нею господина лѣтъ тридцати, съ короткимъ носомъ, жидкими рыжеватыми баками и голубыми глазами. Онъ былъ ей ненавистенъ. Съ какой стати мамыша взяла его въ ихъ тройку? Она всегда его расхваливаетъ. Онъ – молодой человекъ съ карьерой, хорошо воспитанный, выдержанный – хоть сейчасъ

въ вице-губернаторы. Но ей-то какое дѣло? Она не можетъ видѣть его короткаго носа съ широкими ноздрями. И пріятель его, молодой полковникъ въ обще-кавалерійской формѣ, черный, навѣрно изъ армянъ, тоже ненавистень. Онъ обращается съ ней какъ съ ребенкомъ, съ приторными шуточками. И вездѣ, гдѣ-бы она ни была, они относятся къ ней съ какою-то привилегированною короткостью, точно хотятъ показать, что имѣютъ какія-то особыя права на нее. Съ чего они взяли?

— О чемъ вы задумались? можно узнать? — слегка наклоняется къ ней штатскій.

— Гораздо лучше, если не будете знать, — отрѣзываетъ Вавочка.

— Для кого лучше? для меня или для васъ? — схватывается съ ней ненавистный спутникъ, и весело хохочетъ.

Это вѣдь дерзость! Какъ онъ смѣетъ? Вавочка вся вспыхнула и не отвѣтила. Господи, какой несчастный день! А она такъ ждала этого пикника, обѣщала себѣ столько веселья!

Справа вороная рысистая пара стала обгонять ихъ тройку. Мелькнуло ярко раскраснѣвшееся на морозѣ женское лицо, и

рядомъ запорошенная снѣгомъ фуражка и бобровый воротникъ. Ласковые каріе глаза смущенно, точно съ виноватымъ выраженіемъ, взглянули на Вавочку. Она чуть чуть улыбнулась.

– М-ме Уланова отшлифовываетъ юношу, – сказалъ имъ вслѣдъ полковникъ.

– Вѣдь это, кажется, ея спеціальность? – добавилъ съ короткимъ хохотомъ штатскій.

Скорѣй-бы ужъ доѣхать! Сережа освободится отъ своей дамы, и тогда... она доставитъ себѣ удовольствіе помучить его. О, она его помучитъ! А потомъ имъ обоимъ станетъ такъ хорошо, такъ хорошо... потому что оба догадаются, отчего она такъ измучилась, и за что она его мучила...

* * *

Въ большой, холодной залѣ все общество шумно разсаживалось пить чай. Вавочка заняла мѣсто подлѣ матери; съ другой стороны оставалось нѣсколько пустыхъ стульевъ. Ларскій стоитъ недалеко, съ двумя молодыми офицерами, и посматриваетъ на сидящихъ за столомъ – не то на нее, не то на м-ме Уланову, помѣстившуюся наискосокъ отъ нея. Та-

мъ, по одну сторону, тоже есть свободныя мѣста. Вавочка съ мужествомъ отчаянія кивнула Ларскому головой.

– Какъ это вамъ удалось освободиться? – насмѣшливо бросила она ему, когда онъ усѣлся подлѣ нея.

– Мы потеряли другъ друга при входѣ, – отвѣтилъ юноша. – Вы не въ претензіи, что мы обогнали васъ? У Ольги Александровны чудные рысаки.

– Въ самомъ дѣлѣ! Такъ что они доставили вамъ огромное удовольствіе.

– Разумѣется, такая ѣзда пріятна.

– Но это невѣжливо, ха-ха-ха! – напряженно засмѣялась Вавочка. – Вы ѣдете съ молодой женщиной, а удовольствіе вамъ доставляютъ ея рысаки.

– Я вовсе не хотѣлъ это сказать...

– Про васъ говорили, что m-me Уланова взялась отшлифовать васъ. Дѣйствительно, вы еще совсѣмъ не... отшлифованы. Придется взять много уроковъ.

– У такой наставницы, какъ Ольга Александровна, очень интересно брать уроки, – отвѣтилъ нѣсколько даже восторженнымъ

тономъ Ларскій.

Вавочка посмотрѣла на него вспыхнувши-мъ взглядомъ.

– Вотъ какъ! – произнесла она сухо и надменно, и отвернулась.

Она не узнавала Сережу. У него и тонъ перемѣнился, и выраженіе глазъ, и весь онъ какой-то другой сталъ. Онъ походилъ на мальчишку, который въ первый разъ выпилъ стаканъ вина.

– Я и забыла, что вы еще... школьникъ! – сказала Вавочка въ полъоборота къ нему.

Ларскій обидѣлся.

– Любопытно, что для васъ я школьникъ, а дамы постарше вовсе меня такимъ не находятъ, – огрызнулся онъ.

– Въ такомъ случаѣ, я на вашемъ мѣстѣ предпочла-бы общество дамъ постарше, – отвѣтила Вавочка.

Она окончательно отвернулась и заговорила съ матерью и съ зелено-блѣдной племянницей Клецъ.

Ей было и горько, и обидно, и досадно на всѣхъ, и больше всего на себя. Какъ она могла находить Серѣжу такимъ милымъ? Онъ

дѣйствительно мальчишка, совсѣмъ ничтожный мальчишка...

Все веселье этого вечера окончательно пропало для нея. Она почти не танцевала, а будущему вице-губернатору отвѣтила раза два съ такою колкостью, что даже и онъ обидѣлся, и отошелъ отъ нея, потягивая воздухъ своими широкими ноздрями.

За ужиномъ она посадила подлѣ себя знакомаго Сережѣ молодого офицера, и даже пробовала съ нимъ кокетничать, но это не помогло. «Господи, какой несчастный день!» – повторяла она мысленно въ сотый разъ.

При разѣздѣ оказалось, что черноволосаго полковника увлекли въ другія сани. На передней скамейкѣ солидно занялъ свое мѣсто одинъ только будущій вице-губернаторъ. «Хотя бы онъ вывалился гдѣ-нибудь на ухабѣ!» – подумала Вавочка.

Но что это? Мимо нихъ широкимъ рысистоймъ махомъ трогаются сани; въ нихъ сидитъ m-me Уланова, и подлѣ нея молодой генераль, съ пушистыми надушенными усами. Въ ту-же минуту подлѣ Вавочки вырастаетъ знакомая фигура Сережи.

– Пожалуйста, возьмитъ меня къ себѣ! – говоритъ онъ умоляющимъ голосомъ. Лицо его имѣетъ не то виноватое, не то обиженное выраженіе.

– Вы тамъ не нужны больше? – безжалостно бросаетъ ему Вавочка, кивая на удаляющіяся сани.

– Дайте у васъ мѣстечко! Иначе вѣдь мнѣ придется пешкомъ бѣжать, – умоляетъ Сережа.

– Викторъ Ивановичъ, подвиньтесь вправо, дайте ему мѣсто, – рѣшаетъ мамаша. Неужели она нарочно такъ распорядилась, чтобъ Сережѣ пришлось сѣсть противъ Вавочки?

На его лицѣ все то-же виноватое, но уже не обиженное, а умоляющее выраженіе. Онъ съ наслажденіемъ запахивается въ шинель; Вавочка чувствуетъ, какъ борты ея скользятъ по ея колѣнямъ.

«Но я его помучаю»... думаетъ она.

А глаза ея блестятъ и сердце радостно таетъ въ молодомъ, хорошемъ, прощающемъ чувствѣ...